

Закржевский Александр Карлович

**Подполье. Психологические
параллели. Достоевский,
Леонид Андреев, Федор
Сологуб, Лев Шестов,
Алексей Ремизов, Михаил
Пантюхов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Карлович З.**
Подполье. Психологические параллели. Достоевский, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Лев Шестов, Алексей Ремизов, Михаил Пантюхов / Закржевский Александр Карлович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 118 с.

ISBN 978-5-519-85578-5

ISBN 978-5-519-85578-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АЛЕКСАНДРЪ ЗАКРЖЕВСКІЙ.

ПОДПОЛЬЕ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Достоевскій.

Леонидъ Андреевъ.

Федоръ Сологубъ.

Левъ Шестовъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Михаилъ Пантюховъ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ИСКУССТВО И ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“.

1911.

Льву Исааковичу Шестову
посвящаю эту книгу

Авторъ.

„Все, что у добрыхъ зовется злымъ, должно соединиться, чтобъ родилась новая истина; о, братья мои, достаточно ли вы злы для этой истины? Отчаянное дерзновеніе, долгое недовѣріе, жестокое отрицаніе, пресыщеніе, надрѣзываніе жизни,—какъ рѣдко бываетъ это вмѣстѣ! Но изъ такого сѣмени рождается истина! *(Нитцше—„Такъ говорилъ Заратустра“).*

„Вѣрно только одно,—точно одно, одно несомнѣнно—это то, что все здѣшнее должно погибнуть“.

Константинъ Леонтьевъ.

I.

У Достоевскаго бывали мгновенья, когда вся душа уходила во внутрь и, обогрившись кровью и желчью, выливалась въ надрывающійся стонъ проклятья, или въ тихую, нѣжную музыку молитвы, или въ истерзанную мистерию садическаго оргіазма...

Такъ родилось произведеніе, которое можно назвать наиболѣе адекватнымъ выраженіемъ одной стороны его души, произведеніе, заключающее въ себѣ квинтэссенцію современности—„Записки изъ подполья“...

Книга, раскрывающая уму особую область духовныхъ терзаній, книга, запечатлѣнная въ вѣчности кровавою печатью безумнаго отчаянія, надорвавшагося страданья, книга, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ дѣлающая строжайшій смотръ моральнымъ и религіознымъ цѣностямъ!...

И когда читаешь ее, рвутся традиціонныя нити „литературнаго вниманія“, и когда думаешь о ней и переживаешь ее,—чувствуешь невыразимый восторгъ сліянія съ огромнымъ, нечеловѣческимъ страданіемъ души, страданіемъ такимъ взвинченнымъ, такимъ понятнымъ, такимъ *нашимъ*, и сквозь даль прошедшихъ лѣтъ, сквозь тяжелый туманъ времени снова приближается къ тебѣ это безумно больное, дорогое лицо со сжатыми плотно губами, втиснутое въ черную маску преступника, и что-то живое, дымящееся, словно

кусокъ человѣческаго сердца, катится въ душу и горитъ, горитъ...

И трепеть радости!.. Вѣдь это не книга, вѣдь это не слова: здѣсь вылилась въ страшныхъ вопляхъ вся душа, здѣсь распиналъ и мучилъ, и насиловалъ душу разъяренный звѣрь—жизнь, здѣсь, въ желѣзныхъ объятіяхъ обмана она завывала дико и безнадежно, здѣсь боль—тупая, страшная, неизлечимая боль переросла весь міръ... *Подполье!*.. Сколько въ этомъ словѣ таится понятнаго, близкаго, современнаго!.. Чья душа не переживала муку подполья и радость его!.. Чья жизнь подъ тяжестью непосильнаго креста, подъ гнетомъ грызущаго, опьяняющаго надрыва не погружалась въ эти темные подвалы сѣрой тоски и нѣмой злобы, и безсвязныхъ, горячечныхъ проклятій?!

Подполье!.. Оно—въ насъ; оно вросло столько разъ въ нашу душу и спутывало ее липкою паутиною кошмарнаго одиночества и палящаго, безслезнаго рыданія! Случалось это тогда, когда среди мутной пошлости наше „я“ вдругъ переходило границы возможности, маленькой, земной возможности и неудержимо влеклось къ какому то безумному подвигу, къ какой то взлелѣянной, сказочно прекрасной странѣ, къ какому то нездѣшному, сверхчеловѣческому чуду! И путь преграждала стѣна... Случалось это, когда, словно нѣжно-прозрачный цвѣтокъ, расцвѣтала среди жизни душа, и кто то тягучій, безжалостный медленно пилъ нашу кровь, наши мысли, наши блѣдныя силы, и мелькали призраки, и свинцовая тѣнь безумія на фонѣ безжизненныхъ дней казалась спасеніемъ!.. Случалось это въ дни проклятья, того проклятья, что рождается, какъ окровавленная птица, и бьется, и рыдаетъ, и корчится, и разрываетъ, вылетая, сердце, проклятья міру и людямъ за то, что заморозили душу, за то, что погибла она въ самомъ расцвѣтѣ мольбы и надежды!..

И всегда, какъ спасительный якорь, является подполье... Оно собираетъ въ нѣдрахъ своихъ остатки бывшихъ надеждъ, блѣдные звуки молитвъ и вдохновеній, усталыя силы возможныхъ побѣдъ, гениальныхъ прозрѣній...

Въ него сходить, какъ въ единственно возможный пріютъ, все отброшенное и замученное жизнью, все усталое и погибшее, все необычное и изломанное, все надорвавшееся и истерзанное, все святое и рафинированное... Здѣсь скрываются тихія души, обиженные судьбою, слишкомъ ранніе пророки, безумцы, лелѣющіе въ мысляхъ какую нибудь очень смѣлую и очень необычную мечту, вѣчные странники и неудовлетворенные искатели истины, для которыхъ уже погасло солнце и чернымъ, зловѣщимъ пламенемъ вспыхнула родная и понятная тьма.

Это кладбище стараго міра, міра подгнившаго и валящагося, но который будетъ стоять еще много вѣковъ, и мертвецы живые, и въ глухую полночь, когда потухаетъ надѣвшее солнце и спятъ ненавистные люди, они поднимаются въ своихъ кельяхъ и свершаютъ свое таинство, мрачное и жестокое, таинство жуткой, тупой боли и кровавыхъ слезъ, и проклятій!

Они выворачиваютъ наизнанку свою замученную душу, они раздираютъ ее, разрываютъ на куски, чешутъ ея гноящіеся струпья, и въ дикой пляскѣ безумія, въ вихрѣ изступленныхъ рыданій, въ надрывѣ пьянаго бреда, вырастаетъ и горитъ больнымъ пламенемъ непонятная, лихорадочная радость!..

Мы знаемъ, какъ тонка, какъ сложна и обидчива была душа Достоевскаго. Мы знаемъ, что ни одна обида, ни одно рѣзкое и колкое слово не пропадало въ его памяти, и всегда кончалась обида местию, робкой, блѣдной, чахоточной местию, какъ будто извиняющейся, какъ будто непохожею на месть. Вспомните исторію съ Бѣлинскимъ, которую Достоевскій не

забылъ до самой смерти, вспомните глухую, неизлечимую, ехидную ненависть къ Тургеневу и, наконецъ, инцидентъ съ офицеромъ въ „Запискахъ изъ подполья“.

Какъ несчастная, забитая мышъ, погрузилась душа въ подполье, и все припоминала, все, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, съ наслажденіемъ, съ болью вспоминала, и мучилась, и наслаждалась этими воспоминаніями, и маленькая обида превратилась въ этой мимозной душѣ въ неизлѣчимую, вѣчно гноящуюся рану, во что то огромное, невыносимое, заслонившее собою весь міръ и всю жизнь!

„Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышъ немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, — вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей“...

И вотъ въ этомъ то процессѣ самоуниженія вспыхнула впервые та яркая мысль, что впослѣдствіи составитъ краеугольный камень творчества Достоевскаго, та мысль, изъ которой родилось все великое и удивительное въ его произведеніяхъ, мысль, свѣтящая міру какъ спасительный факель. Онъ самъ подчеркиваетъ эту мысль. Онъ говоритъ: „Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полутчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя заживо въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ навѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до